Мельков С. А. – докт. полит. наук, профессор
304304@mail.ru
Солдатов А.А. – канд. техн. наук, доцент
sold123@yandex.ru

Являются ли человеческим архетипом политика и управление? Лапидарная рецензия книги Э. Стивенса

Актуальность темы нашего исследования (а на эту тему написана и рецензируемая сегодня книга [1]) для педагогов, обучающихся и исследователей, для практикующих управленцев вызвана несколькими обстоятельствами.

1. Авторы рецензии согласны с современными социобиологами в том, что моральные (этические) ценности[1] (например, доверие, эмпатия, внутреннее принятие, сопереживание, внутреннее первенство морально-нравственных оценок, и др. [1, с. 11]) продолжают характеризовать природу Человека. Фактически ценность – это архетип, т.е. существующая в нас бессознательно и зачастую рационально и прямо непознаваемая реальность (как писал Юнг, «архетипы – фундаментальные единицы естественного разума … Они недоступны прямому знанию, но могут быть поняты на основе личного опыта, внутреннего знания, гнозиса» [1, с. 20].

Поэтому отказ от морально-этических ценностей, проявляющееся желание зачастую всю современную управленческую практику свести к «реал-политик» (то есть, к политике, основанной на балансе интересов и силе – как основном ресурсе обеспечения этих интересов), скорее всего, положительный для развития общества результат вряд ли будет получен. Причина недостижения как всегда банальна: противоречие Природе человека. Как пишет известный американский социобиолог, дважды лауреат Пулитцеровской премии Э. Уилсон: «И в Природе вообще, и в человеческих сообществах проявляется принцип модулярности – склонность биологических систем делиться тем или иным образом на полуавтономные, но совместно действующие группы» [2, с. 50]. Наверно поэтому с биологической точки зрения нормально, что Россия является в основном добывающей экономикой в мире.

2. Похоже, в ряде стран до сих пор нет ясного и однозначного ответа на вопрос: в чем суть блага для современного Человека и современных обществ? Авторы рецензии видят сегодня такой выбор ответа на этот вопрос: или улучшение жизни каждого человека и соответствующая идентичность[2], когда права и свободы человека находятся в приоритете, или поиск идентичности на основе блага для государства, для властей? В случае выбора 2-го варианта в ряде современных стран возникло и усилилось ощущение ресентимента[3], а также появилась и реализуется политика поиска только собственной/национальной идентичности. А в случае выбора 1-го варианта, скорее всего, на основе соблюдения прав и свобод человека

[1] Для авторов этой рецензии ЦЕННОСТЬ является синонимом важности, то есть имеющего значение, независимо от нашего понимания: ПОЧЕМУ это имеет для нас значение.

[2] Идентичность (англ. identi, лат. identitas) – свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он **представляет себе свою принадлежность** к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, культурным, гендерным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств.

[3] Ресентимент – враждебность к тому, кого субъект считает причиной своих неудач, бессильная зависть, тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе.

как универсальной ценности начинается процесс объединения социумов на основе альтруизма[4]. Вопрос лишь в том, как пишет К. Г. Юнг: «Сознательно или бессознательно люди делают свой выбор … В психологии хорошо известен психологический факт «свободного выбора», или, точнее, субъективное ощущение свободы» [3, с. 14].

3. На примере шимпанзе известно, что их сообщество, «…выходящее победителем из пограничного (с другими племенами) конфликта, увеличивает шансы на выживание и рост. Другими словами, у шимпанзе война стимулирует групповой отбор. Смертоубийство в ходе военных действий между сообществами людей случается так часто, что его можно считать адаптивным инстинктом для нашего вида. Мало того что это практически глобальное явление – уровень смертности в ходе таких конфликтов среди людей совпадает с уровнем смертности у шимпанзе» [2, с. 114]. Авторы рецензии согласны с этой позицией Э. Уилсона, поскольку действительно «применение насилия людьми, в том числе в ходе массовых сражений, существовало на всех социальных уровнях, при любой плотности населения, даже в условиях простейшей общественной организации, в любой среде» [2, с. 115].

4. Как пишет Э. Уилсон, «…чем больше размер группы у людей, тем чаще внутри нее возникают инновации» [2, с. 119]. Авторы рецензии полностью согласны с такой позицией. В этом ключе сегодня изолировать, ограничить любыми рамками (например, национальными) общение людей – контрпродуктивно для развития социума и, судя по всему, противоречит человеческой Природе. Действительно, социобиологи установили, что «необходимое социальное время»[5] у ранних Homo составляло 1-2 часа в день, а у современных людей составляет 4-5 часов [2, с. 121]. Другими словами, более продолжительное социальное взаимодействие – это важнейшая составляющая эволюции мозга и интеллекта. Авторы рецензии уверены в том, что социальная эволюция Человека не остановилась, она продолжается [4, с. 349-352].

5. До сих пор в нашей стране решена проблема идентичности россиян, если угодно – российской нации [5, с. 138-158]. Вопросов на эту тему можно задать очень много (некоторые с разными ответами, некоторые, пожалуй сегодня, вообще без ответов): должен ли в основе национальной политики обязательно лежать национализм? [6] Можно ли построить политическую нацию без максимальной демократизации? Может ли в одной политической нации быть одна идентичность, или внутри политической нации (но не политической народности) идентичностей всегда много? Является ли народ носителем идентичности? И это вопросы можно, к счастью для науки, продолжать практически до бесконечности.

Предполагаемая авторами рецензии исследуемая **проблема** – как изучать влияние архетипов и Природы Человека на современную политико-управленческую практику? Да и нужно ли это сегодня делать, а затем учитывать и использовать это влияние в отечественной политико-управленческой деятельности?

Метод исследования – аналогия.

Авторский анализ. В рецензии конспективно выделим лишь несколько идей,

[4] Альтруизм – понятие, которым осмысляется активность, связанная с БЕСКОРЫСТНОЙ (ключевое слово) заботой о благополучии других; соотносится с понятием самоотверженность – то есть с приношением в жертву СВОИХ ВЫГОД (еще два ключевых слова) в пользу БЛАГА ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА (еще три ключевых слова), других людей или в целом ради **ОБЩЕГО БЛАГА**.

[5] Таким временем, по мнению американского социобиолога Э. Уилсона, являются социальные (ключевое слово) взаимодействия (у шимпанзе – груминг и игры, у людей – вначале разговоры, песни и пляски у костра, а сегодня митинги, демонстрации, СМИ, соцсети, и т.п.).

подмеченных в рецензируемой книге, и кратко их постараемся, надеемся, отрефлексировать.

1. Автор рецензируемой книги постулирует, что двух-миллионо-летняя Самость[6] живет внутри человеческой психики [1, с. 9] любого современного человека. Он также пишет о том, что «для всех нас принятие, сопереживание, связь и принадлежность к этой аборигенной Самости, живущей в нашей психике, являются ключом к адаптации и здоровью [1, с. 11]. Собственно вся книга посвящена раскрытию этого тезиса Э. Стивенса. При этом автор рецензируемой книги ссылается на мнение К. Юнга о том, что «под нашим сознательным интеллектом действует более глубокий интеллект – эволюционировавший интеллект человечества. Это проявляется в том, что архетипические единицы, из которых состоит психика, персонифицируются в сновидениях и фантазиях» [1, с. 13]. Скорее всего, именно архетипические мотивы, если авторы этой статьи верно поняли Э. Стивенса и К. Юнга, в значительной степени определяют наше не только индивидуальное, но и наше групповое (коллективное) поведение.

2. Автор рецензируемой книги обращает внимание на то, что человеку присуще страстное стремление к пониманию. То есть, мы способны знать всё, что познаваемо [1, с. 17]. Э. Стивенс четко пишет о том, что все человеческие сомнения сопровождались необходимостью проверять (сначала ассоциативный тест и наблюдение, а потом изучение мифологии) и задавать вопросы. При этом важно подчеркнуть: автор рецензируемой книги настаивает на том, что архетипы (в первую очередь, архетип коллективного бессознательного) недоступны (!) лишь прямому (!) знанию [1, с. 20]. С политической точки зрения интересно посмотреть на появление такого течения, как социал-дарвинизм. Имеется в виду прямое распространение законов природы на социальную жизнь. Любопытно также, но кроме стремления к пониманию, вид человеческий получил от Природы стремление к прекрасному, что невозможно добиться без творчества[7]: «Две большие области знания, науки естественные и науки гуманитарные, дополняют наше стремление к творчеству. У них одни и те же корни – стремление к новому. Область охвата естественных наук – все возможное во Вселенной; у гуманитарных наук – все, что возможно для человеческого разума» [7, с. 7].

3. Фактически Э. Стивенс настаивает (как и немалое количество других современных ученых [7]) на понимании сути Человека как Морального Животного (из которого и вытекает его Политическая сущность), когда пишет о присущих Человеку биосоциальных целях (о заботе и получении заботы/заботливости, альтруизме, любви, взаимной поддержке, самопожертвовании и чувстве вины, но в то же время и о жадности, эгоизме, агрессии, жажде к приобретению и жажде статуса, расизме, ксенофобии, вражде, разочарованиях, обидах, и т.д.) [1, с. 105-110]. Как писал профессор Пенсильванского университета Р. Райт: «Генетические различия, несомненно, играют определенную роль, но гораздо важнее не они, а генетическая общность, которая закладывает общевидовую программу развития, основанную на способности человеческого разума впитывать информацию из социальной

[6] Самость – архетип, являющийся глубинным центром и выражением психологической целостности отдельного индивида. Выступает как принцип объединения сознательной и бессознательной частей психики и, одновременно с этим, обеспечивает вычленение индивида из окружающего его мира.

[7] Вот как пишет об этом дважды лауреат Пулитцеровской премии Э. О. Уилсон: «Творчество – это врожденный поиск оригинального. Движущей силой нашего развития является инстинктивная любовь человечества к инновациям, к новизне – открытию новых сущностей и процессов, решению старых задачи постановке новых, получению эстетических сюрпризов от появления новых лиц, трепет от открытия новых миров … Но достичь одной цели – это значит увидеть новые, так что этот поиск никогда не заканчивается» [7, с. 7].

среды и формироваться под ее воздействием» [8, с.18-19]. Именно о моральности любого общественного/политического поведения в своих многочисленных лекциях говорил и писал известный советский/российский политолог Б. Г. Капустин, исследуя случаи Сократа, Бентама и Канта[8] [9, с. 25-62]. Фактически мы здесь подтверждаем полную правоту американского социобиолога голландского происхождения Ф. де Вааля, который писал, что «… наша политическая деятельность представляется частью эволюционного наследия, которое мы разделяем с нашими ближайшими родственниками … корни политики старше самого человечества» [11, с. 252]. Что ж, точнее и четче, пожалуй, и не сформулируешь.

4. Очень любопытно, что политику как войну (индивидуальную и массовую агрессию) автор рецензируемой книги выводит из страха. Он так и пишет: «Как правило, люди, воспитанные в страхе, испытывают неприязнь к авторитету и хотят бросить ему вызов, как бы открыто они ни поддерживали его ценности» [1, с. 96]. И далее: «сформировавшийся как колониальный диктатор, управляющий чужеродным и потенциально мятежным населением, или как животное, владеющее территорией, над которой оно установило абсолютную власть и господство, такой Человек постоянно идет на всё в атаку либо для того, чтобы изгнать незваных гостей, либо для того, чтобы заставить их подчиниться» [1, с. 97]. Фактически, полагаем, Э. Стивенс пишет о страхе возможности «прорыва внутренней защиты Человека, его возможного изгнания из своей внутренней цитадели» [1, с. 99]. Понятно, что с научной точки зрения это – только психологическая позиция. И, тем не менее, это и возможность изучать свои (то есть человеческие, присущие нам всем) архетипы. Так, на мой личный взгляд, Э. Стивенс верно подмечает: «Хищники смотрят на свою добычу немигающим и напряженным взглядом. Мужчины, ожидающие в засаде, чтобы напасть на своих потенциальных жертв, ведут себя точно так же. Пристальный взгляд – это изначальная черта архетипа врага» [1, с. 99].

Известно, долгое время в гуманитарных науках считалось, что к войне приводит несовпадение интересов[9] (в первую очередь, интересов экономических), в первую очередь между государствами [12]. Однако многочисленные исследования опровергают подобный вывод. Например, немецкий политический философ XX века К. Шмитт суть партизанской войны из присущей тому или иному человеку и/или группе людей иррегулярности и нежелания людей подчиняться какой то конкретной власти, вне зависимости от экономических или государственных интересов [13]. Об этом же пишет современный российский исследователь войны В. К. Белозёров, полагая на примере теракта 2022 года в Нью-Йорке и последующей длительной фактической оккупации Ирака Соединенными Штатами Америки, возможное отсутствие экономических интересов у лидеров террористов [15, с. 77-113].

В настоящее время значительную работу по систематизации теоретических подходов и взглядов на суть войны провел исследователь А. Д. Куманьков [16]. Во всяком случае, для начинающего исследователя сути политики и войны в их теснейшей взаимосвязи можно

[8] В этой статье ее автор не планирует подробно останавливаться на этих трех Случаях, поскольку планирует посвятить этому отдельное исследование. Но фактически эта тема в авторской интерпретации (во всяком случае, некоторые подходы к ее осмыслению) уже были намечены автором этой статьи в главе 1.6 «Ценность институциональной структуры для современного общества: проблема формирования политической нации» учебника «Политические институты, процессы и технологии» [10, с. 190-212].

[9] Речь идет не только о марксизме. Например, в XX веке в политологической науке почти все войны объяснялись национальными интересами, что фактически ученому ничего не объясняет в сути войны [12, с. 12-13].

найти в его книгах. Мы здесь не ставим своей целью разбор его изданий, однако всё же, скорее всего, он также, как и многие его предшественники, оглашается с тем, что родовым понятием войны является насилие [17]. Однако его причины и истоки, полагаем, без уяснения сути человеческой Природы вряд ли получится выяснить (хотя с архетипами «работать» намного сложнее, чем систематизировать теоретические идеи и подходы других ученых).

Краткие выводы по статье.

1. Наша (человеческая) двух-миллионо-летняя Самость влияет и на современную политику, и на управленческую деятельность, в значительной степени ее детерминируя.

2. Вряд ли у кого-либо получится политико-управленческую деятельность в современном обществе привести к единообразию. Ни у кого не получится при этом подавить ни творческую, ни коммуникативную Природу Человека (по той простой причине, что эти качества заложены Природой).

3. Человек продолжает оставаться в значительной степени моральным животным (а не био-социальным роботом или «автоматом»[10]), и поэтому тем, кто осуществляет современную политико-управленческую деятельность, следует это учитывать.

4. Война с психолого-ценностной точки зрения вытекает из присущего людям страха, детерминируется им. Поэтому тем, кто осуществляет современную политико-управленческую деятельность и думает, что обществом/людьми можно до бесконечности управлять только манипуляциями, следует это также учитывать.

5. Рецензируемая книга Э. Стивенса может быть полезна в вузах при изучении таких учебных дисциплин[11], как «Психология власти и управления», «Технологии ГМУ», «Технологии профессионального общения» (уровень магистратуры), «Управленческо-правовые механизмы в сфере ГМУ», «Политические институты, процессы, технологии» (уровень аспирантуры), «Развитие лидерских качеств государственного и муниципального служащего», «Антикризисное управление в России», «Управленческий тимбилдинг», «Этика государственной и муниципальной службы», «Исследование управленческих процессов», «Психология профессиональной деятельности» (уровень магистратуры), и еще ряда других учебных дисциплин.

Литература:

1. Стивенс Э. Самость, которой два миллиона лет. – М.: Касталия, 2021. – 166 с.

2. Уилсон Э. Эусоциальность: Люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные / Пер. с англ. – М.: Альпина нонфикшн, 2020. – 158 с.

3. Юнг К. Г. Феномен самости / пер. с нем. А. Чечиной. – Москва: Издательство АСТ, 2022. – 224 с.

4. Соколов А. Мифы об эволюции человека. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 390 с.

5. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.

[10] Сомневающимся рекомендуется посмотреть, например, художественный фильм «Бегущий по лезвию 2049», где в отсутствии людей у совместно проживающих роботов всё-равно появляются собственные нравственность, мораль и этика.

[11] Имеются в виду учебные дисциплины, изучаемые в Академии гражданской защиты МЧС России, по таким направлениям подготовки, как 38.03.04 и 38.04.04 (оба направления называются «Государственное и муниципальное управление») и научным специальностям 5.5.2 («Политические институты, процессы, технологии») и 5.5.3 («Государственное управление и отраслевые политики»).

6. Белозёров В. К. Понятия «народ» и «нация» в российском и международном политическом и научном дискурсе // Вестник Российской нации. 2019. № 5. – С. 118-125.

7. Уилсон Э. О. Происхождение творчества. Провокационное исследование: почему человек стремится к созданию прекрасного / пер. с англ. Кручина Е. Н. – Москва: Эксмо, 2019. – 256 с.

8. Райт Р. Моральное животное / пер. с английского. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 512 с. (Наука, идеи, ученые).

9. Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике. Учебное пособие. – М.: КДУ: Издательство МГУ, 2004. – 496 с. (Политический разум и практика политики / отв. ред. Б. Г. Капустин).

10. Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы: учебник / коллектив авторов; под ред. С. А. Мелькова. – Москва: КНОРУС, 2021. – 564 с. – (Аспирантура).

11. Де Вааль, Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов / пер. с англ. Д. Кралечкина; под ред. В. Анашвили; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 272 с.

12. Блэквилл Р. Война иными средствами / Роберт Блэквилл, Дженнифер М. Харрис; пер. с англ. В. Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 480 с.

13. Клаузевиц, Карл фон. О войне. Избранное / пер. с нем. А.К. Рачинского; предисл. и коммент. Л.В. Ланника. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 320 с.

14. Шмитт К. Теория партизана / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. – М.: Праксис, 2007. – 301 с.

15. Белозёров В. К. Политический феномен военной деятельности: Монография. – М.: Издательский Дом «Атисо», 2009. – 392 с.

16. Куманьков А. Д. Война в XXI веке / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 296 с.

17. Куманьков А. Д. Война, или В плену насилия. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 164 с.